

ПРИКАЗАНО ЗАБЫТЬ, НО ПОМНЮ. ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Июль 1967 года. Нахожусь в Ессентуках. Пью целебную воду. Внезапно ко мне в санаторий приходят люди из городского комитета комсомола и говорят, что им поручено срочно отправить меня на встречу Михаила Шолохова с молодыми писателями социалистических стран. Я — член советской делегации.

Самолётом, с сопровождающей меня девушкой, прилетаю в Ростов-на-Дону. Здесь же в аэропорту пересаживаюсь в небольшой самолёт, наполненный весёлыми молодыми людьми. Все говорят по-русски, но знакомясь, узнаю, что здесь поляки, болгары, чехи, немцы, венгры. Встречают меня аплодисментами. Не сразу понимаю, почему, а поняв, внутренне собираюсь: я здесь единственная женщина. Хорошо, если где-то там, у Шолохова будут и другие. Их не было.

Самолёт садится на зелёный луг. Люк открыт. Из него вываливаются мои спутники. Я последняя. Смотрю вниз. До земли немалое расстояние. Не очень спортивная, боюсь прыгать. Ко мне тянутся множество рук. Голоса:

— Прыгай! Поймаем!

Прыгаю. Попадаю в чьи-то руки. Слышу тихий возглас:
— Ого!

Это значит, что поймавший меня, не ожидал такой тяжести? Мне стыдно. Освобождаюсь. Смотрю на него — Юрий Гагарин. И сразу большой толпой мы окружаем Шолохова. И здесь я — единственная женщина.

Вся толпа оказывается на обрыве. Внизу Дон. Ещё светит солнце, но в небе уже луна. Шумно. Какие-то мужчины, их не было в самолёте, ловко определяют тех, кто должен быть рядом с Шолоховым. Не словами, а действиями. Я, видимо, тоже должна попасть в шолоховский круг. Один из этих мужчин деликатно просит поправить вырез моего летнего пальто. Шепчет: «Будьте скромнее, вас фотографируют».

Шолохов рассказывает, что на этом обрыве Аксинья прошлась с Григорием. Ведёт всю толпу на поляну. Там, в траве расстелены белые скатерти, разбросаны ложки и вилки, куски хлеба. Гранёные стаканы. Будет стерляжья уха. Рассаживаемся.

Шолохов, писатель Вадим Кожевников, Юрий Гагарин — в центре импровизированного стола. Я норовлю сесть подальше от них, но один из незаметных распорядителей подводит меня к «президиуму». Единственная женщина в мужской компании должна занять подобающее её положению место, между Шолоховым и Гагарином.

Оба начинают говорить со мной и, что греха таить, мне интересна беседа с Шолоховым. Он почему-то заводит речь о

Худ. О. А. Бородин.
Писатель Василий Белов.
2001 год.

Из собрания Картичной галереи Е. М. Лунина.

Неизвестный фотохудожник.
Прозаик Михаил Шолохов с делегацией советских писателей в станице Вешенская.
На фотографии справа лётчик-космонавт СССР Юрий Гагарин и поэтесса Лариса Васильева.
1967 год.

Из личного архива Л. Н. Васильевой.

Неизвестный фотохудожник.
Писатель Василий Белов в гостях у Михаила Шолохова в станице Вешенская.
1967 год.

Из личного архива писателя.

Неизвестный фотохудожник.
Писатель Василий Белов и лётчик-космонавт СССР Юрий Гагарин в гостях у Михаила Шолохова в станице Вешенская.
1967 год.

Из личного архива писателя.

Неизвестный
фотохудожник.
Писатель
Михаил
Шолохов за
письменным
столом.
1937 год.

Неизвестный
фотохудожник.
Михаил
Шолохов.
1941 год.

Неизвестный фотохудожник.
Михаил Шолохов в Стокгольме перед вручением
Нобелевской премии.
1965 год.
Фотографии из собрания Государственного
музея-заповедника М. А. Шолохова.

Бунине. Разливают водку. Шолохов пьёт водку. Звучат тосты. Мне, непьющей, удаётся потихоньку выливать водку себе за спину. Думаю, что Гагарину видны мои ухищрения. Он явно понимает меня. Звучат тосты. Один из советских поэтов (фамилию помню, но не скажу), видимо, наблюдает за мной. Вдруг кричит:

— Васильева выливает водку. Себе за спину. Не хочет пить за здоровье Михаила Александровича!

Мне наливают штрафной стакан. И все смотрят. И я пью. Стакан выпит. Заедаю хлебом и рыбой. Назревает опьянение. Разговор с Шолоховым о Бунине обрывается, но вижу, он хочет продолжать его, ему интересно. Мне тоже. Гагарина разрывают на части разговорами о полётах в космос. Он терпеливо отвечает на вопросы. Я всё более чувствую необходимость окунуться в Дон, смыть глупый хмель. Внимательно оглядываю весь «стол». Ишу себе спутника. Иностранцы исключаются. Смотрю на Белова из Вологды. Мы уже познакомились в самолёте. Он очень славный. Сказал, что писал стихи, но понял их несовершенство. Готова уже приблизиться к нему и позвать на реку. Но вижу, как он лихо опрокидывает в себя стакан. Нет, не подходит. Невдалеке замечаю некрасивого, худенького паренька. Не пьёт. Скучет. Никому не интересен. В общем шуме подвигаюсь к нему. Геннадий Машкин, прозаик из Иркутска. У меня нет времени на разговоры. Сразу прошу его пойти со мной окунуться в Дон. По дороге говорю, что плохо чувствую себя в такой толпе единственной женщиной и хочу смыть хмель. Он всё понимает. После купания я оживаю. Больше никто не спровоцирует на выпивку.

Вечер на площади в Вешенской. Прожекторы освещают трибуну. Один за другим поэты читают стихи. Звучат они на разных языках. Площадь полна народом. Щедрые казаки и казачки награждают всех аплодисментами.

Подходит моя очередь. Оттого ли, что я — единственная женщина, оттого ли, что стихи выбрала эффектные для чтения, оттого ли, что умею их читать — самый большой успех. Меня поздравляют. Оказавшийся рядом Василий Белов говорит очень хорошие слова. Помню их, но пусть они останутся в сердце. Он, уверена, забыл.

Чувствую себя на высоте блаженства. Далее — ужин. Разговоры. Вижу первый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлов о чём-то говорит с Беловым. Оба невысокие, коренастые, стоят друг против друга. Слышу громкие слова Белова: «Я хочу знать, кто мной руководит!» Там назревает конфликт. Нужно бы предупредить какую-то неприятную ситуацию, но они уже сцепились.

Через какое-то время я попадаю в поле зрения Сергея Павлова. Слово за слово, и возникает спор. Он что-то говорит о моей безыдейности, я начинаю поучать его слушать тех, кто может сказать ему что-то дельное. Помню примерно такое: «Вы сегодня руководите комсомолом, завтра вас бросят на химию, потом ещё на что-то — почему мы должны вас слушать? Что вы понимаете в поэзии?».

За моей спиной слышу: «Молодец!» Поворачиваюсь — Белов. Этот опять готов ввязаться в спор.

Медленно рассасывается шумная компания. Иду в комнату, приготовленную для меня и с удовольствием нахожу в ней девушку, как мне объясняют колумбийку, комсомолку, которую в Колумбии спасли от расправы. И вывезли в СССР. Говорят только по-испански. Объясняется жестами.

Утром выхожу к завтраку. По дороге в столовую здороваясь с одним из наших поэтов. Он отводит глаза. Вхожу. Все сидят за столами. Отдельно от всех сидит одинокий Василий Белов. Сажусь рядом. Входят люди. К нам за стол никто не садится, хотя за другими столами уже тесно.

— Что происходит? — спрашиваю.

— Ты вчера что-то наговорила. Я тоже. Помнишь, хоть что?

— Помню. Ничего особенного.

Сидим. Ждём. Яичницу принесли. С луком. Помню отлично.

— Не бойся, самое страшное, что случится, отправят нас домой, — говорю я.

— Не боюсь. — спокойно отвечает Белов. И просит добавки.

Широко распахивается дверь столовой. Входят комсомольские руководители: Ганичев, Осипов, Мелентьев. Они прямиком идут к нашему столу. Белов невозмутим. Я улыбаюсь. Сейчас вынесут приговор.

— Поздравляем вас обоих, — говорит Ганичев, — мы только что беседовали с Михаилом Александровичем. Ему очень понравилась делегация. Он выделил Василия Белова и Ларису Васильеву. Сказал, что мыслящие, смелые ребята. Ещё Олжаса Сулейменова похвалил — где Олжас?

Комсомольские вожди проходят от нас в отдельный кабинет, а мы с Василием мгновенно оказываемся окружеными теми, кто минуту назад обходил нас стороной.

Потом шли годы. Были встречи. Вспоминаю, как Василий Белов приходил к нам с Олегом, но не в гости, а в комнату на чердаке, где мы с мужем хранили разные книги и целыми днями читал запрещённые у нас в стране исследования западных историков и воспоминания эмигрантов о коллективизации. Это нужно было ему для работы. Ходили мы с мужем на премьеру пьесы Василия Белова.

Ему всегда было интересно мнение Олега. Они такие разные во всём, нравились друг другу и подозреваю, Василий, несколько раз вступавший со мной в эпистолярную полемику, относился к Олегу лучше, чем ко мне. Это меня не обижало. У нас с Беловым было в гостях у Шолохова несколько минут острого общего переживания, которое мы оба выдержали довдовательно.

По традиции этой книги я сопровождаю воспоминания строками тех, о ком рассказываю. Могла бы вспомнить любой рассказ Белова, не могу — любой. Есть одно произведение, где главная тема этой книги явственно звучит голосом Василия.

Неизвестный фотохудожник. Михаил Шолохов. Начало 1960-х годов.

Неизвестный фотохудожник. Михаил Шолохов на реке Дон. Начало 1960-х годов. Фотографии из собрания Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова.

Худ. Н. В. Баскаков. Портрет Василия Белова. 1967 год. Из собрания Вологодской областной картинной галереи.